

A phoenix, a mythical bird that is reborn from its own ashes, is depicted in flight against a dramatic sky. The bird has vibrant orange and yellow plumage and long, flowing tail feathers. It is positioned in the upper right quadrant of the image. The sky transitions from a deep blue at the top to a bright orange and yellow near the horizon, where a city skyline is visible. The city is silhouetted against the bright light of the setting or rising sun. The overall mood is one of hope and renewal.

ПТИЦА СЧАСТЬЯ

Ката Го

Птица счастья

«Автор»

2026

Го К.

Птица счастья / К. Го — «Автор», 2026

Можно прожить много лет, стараясь быть понимающей, сильной и удобной, и однажды обнаружить, что собственные желания стали почти неслышными. Дине тридцать шесть. За плечами десять лет отношений, аборт после мужского «я пока не готов», тело, уставшее приспосабливаться, и расставание, после которого жизнь внезапно перестаёт казаться очевидной. На рассвете, у окна шестнадцатого этажа, Дина видит золотисто-синюю Птицу счастья. С этого момента начинается её возвращение к себе. Она учится слышать тело и различать любовь и зависимость, встречает Пашу. Так появляется «аккредитив ответственности» - попытка заранее разделить материальные риски отношений, не подменяя ими ни любовь, ни участие. «Птица счастья» - роман о близости без самоотмены, цене женской заботы, телесной памяти, материнстве, свободе и способности выбирать новую жизнь, не объявляя старую ошибкой. И о счастье, которое однажды перестаёт зависеть от того, кто находится рядом.

© Го К., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 2. Третья неделя.	5
Глава 2. Третья неделя.	21
Конец ознакомительного фрагмента.	37

Ката Го

Птица счастья

Глава 2. Третья неделя.

Семь лет назад Дина узнала, что беременна, в туалете между двумя совещаниями.

Место для события такого масштаба было выбрано жизнью без всякого уважения к драматургии: белый кафель, автоматический освежитель воздуха с химическим запахом яблока, урчащая вентиляция и надпись на двери кабинки «Просьба не бросать бумагу в унитаз».

Дина сидела на закрытой крышке и смотрела на две полоски.

Первую она ожидала. Вторая появилась почти сразу, уверенная, яркая, без всяких сомнений в себе.

· Нахалка, - прошептала Дина.

Полоска не отреагировала.

Задержка была небольшой. Дина объясняла её перелётом, нервами, новым проектом, сменой часового пояса и тем, что человеческий организм вообще плохо приспособлен к квартальной отчётности. Тест купила по дороге в офис скорее для порядка. У неё была привычка закрывать гипотезы фактами.

Факт теперь лежал на ладони.

Она достала телефон, открыла календарь, пересчитала дни. Потом пересчитала ещё раз, будто при повторном вычислении организм мог признать арифметическую ошибку.

Не признал.

Дина вышла из кабинки, умыла лицо и посмотрела на себя в зеркало. Та же белая блузка. Те же серьги. Волосы собраны в гладкий хвост. Через двадцать минут встреча с людьми, которые ждали от неё решения по бюджету на следующий год.

Только внутри уже существовало что-то ещё.

Пока почти невидимое. Настолько маленькое, что разум отказывался связывать его с младенцем, коляской, маленькой ладонью и чужим голосом, который когда-нибудь скажет ей «мама». Но тело связало раньше.

Дина положила ладонь на низ живота.

Ничего.

Конечно, ничего.

И всё равно улыбнулась.

Улыбка была такой широкой, что вошедшая коллега остановилась возле раковины.

· Всё хорошо?

· Да.

· Точно?

Дина посмотрела на своё отражение.

· Кажется, очень.

Коллега осторожно кивнула и выбрала дальнюю кабинку. Руководители, счастливо разговаривающие сами с собой в туалете, вероятно, входили в корпоративные риски.

До совещания оставалось восемнадцать минут.

Дина спустилась в аптеку на первом этаже бизнес-центра и купила ещё три теста.

Фармацевт подняла глаза:

· Разные?

· Обязательно.

· Зачем?

- Репликация эксперимента.

Женщина посмотрела на неё, потом на тесты.

- Удачи.

- Вот теперь вопрос, в каком именно направлении.

Второй тест Дина сделала там же. Третьего решила дожидаться дома. После двух положительных результатов статистическая добросовестность начинала переходить в невроз.

Совещание прошло идеально.

Дина говорила про сроки, риски, ресурсы и точки принятия решений. Кто-то спорил, кто-то пытался протолкнуть дополнительный бюджет, кто-то двадцать минут объяснял проблему, которая решалась одним письмом. Дина слушала, задавала вопросы, делала пометки и чувствовала странное раздвоение.

Одна её часть оставалась здесь, за длинным столом.

Вторая стояла босиком где-то посреди огромного неизвестного пространства и держала ладони раскрытыми.

К концу совещания Дина уже знала: она хочет этого ребёнка.

Мысль пришла без аргументов.

Она могла перечислить сотню причин, почему сейчас неудобно. Карьера входила в новый виток. Алекс недавно говорил о возможной смене работы. Они много путешествовали. Квартира была большая, но детская в ней не предусматривалась. Даже гости размещались в комнате, которую Алекс торжественно называл кабинетом и использовал в основном для хранения спортивной формы.

Можно было составить список рисков.

Но под списком всё равно стояло бы одно слово.

Да.

Дина вышла с работы раньше.

В машине по дороге домой она представляла, как скажет Алексу. Сначала решила купить маленькие носочки, потом возмутилась собственной банальностью. Следующим вариантом стала коробка с тестом. Потом записка. Потом ужин. Потом просто слова.

Дома она обнаружила, что Алекс уже пришёл.

Он сидел на кухне в футболке и домашних брюках, что-то читал с ноутбука и ел виноград прямо из большой миски.

- Ты рано, - сказал он.

- Ты тоже.

- У меня встречу перенесли. Будешь?

Он протянул ей виноградину.

Дина взяла, но не съела.

- Что случилось?

- Почему обязательно случилось?

- Потому что ты стоишь в пальто посреди кухни и смотришь на меня так, будто собираешься либо сообщить о наследстве, либо признаться в убийстве.

- Выбери.

- Наследство.

Дина улыбнулась.

- Почти.

Она достала из сумки тест и положила перед ним.

Алекс посмотрел.

Потом на неё.

Снова на тест.

- Это что?

· Тест на интеллект. Ты проигрываешь.

Он продолжал смотреть.

· Ты беременна?

И именно в эту секунду Дина увидела на его лице радость.

Совсем короткую.

Настоящую.

Она вспыхнула раньше страха. Алекс поднялся, шагнул к ней и обнял так резко, что Дина рассмеялась.

· Подожди, куртку сниму.

· Господи.

Он отстранился, снова посмотрел ей в лицо.

· Ты точно?

· Два теста.

· Два?

· Третий в сумке.

Алекс засмеялся.

· Конечно. Один тест не прошёл внутренний аудит.

· Выборка недостаточная.

Он поцеловал её. Потом вдруг опустил взгляд на живот.

Его ладонь легла поверх Дининой.

Дина замерла.

Вот оно.

Мгновение оказалось настолько полным, что ей захотелось запомнить всё сразу: виноград на столе, открытый ноутбук, его тёплую ладонь, свою куртку, до сих пор застёгнутую под горло, полосу света на паркете.

Она впервые подумала: нас трое.

А потом Алекс спросил:

· А какой срок?

· Очень маленький.

· Насколько?

· Несколько недель.

Его ладонь осталась на месте, но стала другой.

Дина почувствовала это раньше, чем увидела лицо.

· Совсем маленький?

· Да.

· То есть мы ещё...

Он замолчал.

· Что?

· Нет, ничего.

Но радость уже закрывалась.

Не исчезла мгновенно. Скорее отступила куда-то внутрь, уступая место расчёту.

Алекс прошёл к столу и сел.

· Мы же предохранялись.

· Очевидно, не абсолютно.

· Ты ничего не пропускала?

Дина медленно растегнула пальто.

· Нет.

· Точно?

· Алекс.

· Я просто спрашиваю.

· Точно.

Он провёл руками по лицу.

· Ничего себе.

Дина повесила пальто и вернулась.

· Да.

· Ты как?

· Счастлива.

Она сказала это специально.

Ей хотелось поставить слово между ними, прежде чем он успеет заполнить пространство чем-то другим.

Алекс поднял взгляд.

· Счастлива?

· Да.

Он кивнул.

· Хорошо.

Но произнёс это так, словно она сообщила симптом.

Дина села напротив.

· А ты?

· Я не знаю пока.

· Минуту назад знал.

· Минуту назад я охренел.

· Положительно.

· Дин, не дави.

Она откинулась на спинку стула.

· Я спросила, что ты чувствуешь.

· Вот именно. Я пока не понимаю, что чувствую.

Вечер всё ещё можно было спасти. Дина видела это почти физически. Можно было встать, открыть вино, потом вспомнить, что ей теперь нельзя, посмеяться, заказать еду, лечь рядом, проснуться утром и поговорить.

Но Алекс уже открыл ноутбук.

· Ты что делаешь?

· Ничего.

· Ты читаешь что-то.

· Просто смотрю.

· Что?

Он развернул экран.

«Беременность первые недели».

Дина неожиданно рассмеялась.

· Очень романтично.

· Я хочу понимать.

· Я тоже.

· Здесь пишут, что сейчас вообще ещё...

Он остановился.

· Что?

· Ничего.

· Договаривай.

· Что срок настолько маленький, что рано вообще о чём-то говорить.

Дина почувствовала первое слабое сжатие под рёбрами.

- Я уже сказала.
- Что?
- Я беременна.
- Я не спорю.
- Тогда о чём рано говорить?

Алекс закрыл ноутбук.

- О ребёнке.

В комнате стало тихо.

За окном медленно темнело. На соседнем доме зажглись окна. Кто-то сверху передвигал мебель или решил именно сегодня начать новую жизнь с перестановки шкафа.

- А о чём говорить? - спросила Дина.
- О ситуации.
- Ситуация находится у меня внутри.
- Дина, пожалуйста.
- Что?
- Не делай сейчас так, чтобы я сразу оказался плохим.

Она посмотрела на него.

- Я ничего не делаю.
- Ты уже говоришь «ребёнок», «нас трое»...
- Я не говорила «нас трое» вслух.
- Но ты так смотришь.

Дина чуть не улыбнулась.

- Теперь даже взгляд считается давлением?
- Ты понимаешь, о чём я.

Она понимала.

И именно поэтому впервые испугалась.

Не беременности.

Его страха.

В следующие два дня Алекс почти не спал.

Он не требовал решения. Он хотел поговорить.

Постоянно.

За завтраком. В машине. В кровати. По телефону между встречами. В десять вечера. В половине второго ночи, когда Дина уже закрывала глаза.

Сначала разговоры были разумными.

- Мы это не планировали.
- Да.
- У меня сейчас вообще непонятно что с работой.
- Разберёмся.
- Ты сама только вышла на новый уровень.
- И?
- Ребёнок всё изменит.
- Конечно.
- Тебя это совсем не пугает?
- Пугает.
- А выглядит так, будто ты уже всё решила.
- Я решила, что хочу его.

Каждый раз Алекс замолкал после слова «его».

Словно именно местоимение делало всё неприлично настоящим.

На третий день Дина составила таблицу.

Это было сильнее неё.

Она открыла ноутбук, расписала доходы, накопления, возможные расходы, няню, медицину, временное снижение собственной нагрузки, даже приблизительную стоимость детской мебели. Потом добавила колонку «непредвиденные расходы», потому что жизнь особенно любила статьи бюджета с таким названием.

Вечером положила ноутбук перед Алексом.

· Я посчитала.

Он посмотрел на неё настороженно.

· Что?

· Насколько ребёнок уничтожит нашу жизнь.

· Дина.

· Пока получается процентов на двадцать три. Если заложить няню с первого года. Но я ещё не учла подгузники, возможно, катастрофа недооценена.

Обычно Алекс любил её такой юмор.

Сейчас даже не улыбнулся.

· Ты правда думаешь, что дело в деньгах?

· Я пытаюсь понять, в чём.

· Во всём.

· Очень удобная единица измерения.

· У меня ощущение, что ты вообще меня не слышишь.

· Я слышу, что ты боишься. Я не понимаю, чего именно.

Алекс резко встал.

· Потому что ты уже там! У тебя уже ребёнок, няня, комната, расчёты! А я узнал три дня назад.

· Я тоже узнала три дня назад.

· Для тебя всё иначе.

· Потому что я беременна?

· Да!

Он выкрикнул это и сразу замолчал.

Дина смотрела на него.

· Алекс, именно поэтому времени у меня меньше, чем у тебя.

· Вот. Опять.

· Что опять?

· Давление.

· Где?

· Во всём, что ты говоришь. «Времени меньше». «Я беременна». «Я хочу ребёнка». Какой у меня вообще остаётся выбор?

Дина медленно закрыла ноутбук.

· Твой.

· Очень смешно.

· Я не шучу.

· Если я скажу, что не готов, я мудака. Если скажу, что готов, хотя не готов, я должен полностью изменить жизнь.

· А я должна полностью изменить тело в любом варианте.

Он отвернулся.

· Это нечестно.

· Что именно?

· Вот это. Ты всё время используешь беременность как последний аргумент.

· Алекс, беременность и есть последний аргумент. Она уже случилась.

В тот вечер он ушёл гулять один и вернулся после полуночи.

Дина лежала в постели, читая одну и ту же страницу.

Алекс лёг рядом, не раздеваясь до конца, повернулся к ней.

· Я люблю тебя.

· Я тоже.

· Я просто не готов.

Она закрыла книгу.

· Когда будешь?

· Не знаю.

· Через год?

· Может быть.

· Через три?

· Дин.

· Мне нужно понимать.

· Почему сейчас обязательно определять всю жизнь?

Она посмотрела на него и вдруг почувствовала страшную нежность. Алекс лежал рядом растерянный, красивый, знакомый до мельчайших движений. Она знала, как он морщит лоб, когда считает в уме, как оставляет ложку в чашке, хотя звук металла о керамику раздражает его самого, как во сне ищет ногой её ступню.

Ей захотелось его успокоить.

И это было первое движение в сторону от себя.

· Хорошо, - сказала она. - Не будем сегодня.

Алекс прижался лбом к её плечу.

· Спасибо.

Через полчаса он спал.

Дина лежала с открытыми глазами.

Внутри неё кто-то продолжал существовать без паузы в разговоре.

На следующий день она позвонила Лине.

Лина ответила шёпотом.

· Я кормлю. Если буду говорить громко, он решит, что пора бодрствовать, а я не готова к такому развитию событий.

Младшему ребёнку Лины было совсем мало, старшему почти два, и последние месяцы её жизнь измерялась не днями, а промежутками между кормлениями и детским сном.

· Я беременна, - сказала Дина.

На другом конце стало тихо.

Потом Лина очень тихо произнесла:

· Охренеть.

Дина засмеялась.

· Наконец нормальная реакция.

· Ты рада?

· Да.

· Тогда поздравляю.

Слова попали точно туда, куда было нужно.

Дина закрыла глаза.

· Спасибо.

· Алекс?

· Не рад.

· Совсем?

· Сначала был.

Лина вздохнула.

· Он всегда сначала реагирует, потом начинает думать и всё портит.

· Ты его хорошо знаешь.

· С восьмого класса. Я видела, как он однажды три дня выбирал, расставаться ли с девушкой, которая уже сама его бросила.

Дина улыбнулась.

· Он говорит, что не готов.

· Верю.

· В смысле?

· В смысле верю, что он правда не готов. Не что тебе надо что-то делать.

Дина молчала.

Лина сразу услышала.

· Дин, я не на его стороне.

· Ты произнесла эту фразу слишком быстро.

· Я на стороне того, чтобы ты не принимала решение из его паники.

· А если он так и не успокоится?

Лина снова замолчала.

В трубке слышалось младенческое сопение.

· Тогда решать тебе.

· Одной?

· Беременна физически ты.

· Очень удобная конструкция.

· Я не сказала, что ответственность только твоя.

· Но решение моё.

· В конечном счёте да.

Дина почувствовала холод.

Именно эта формулировка потом будет преследовать её годами.

Решение твоё.

Как будто условия выбора не имеют значения.

Как будто человек принимает решение в вакууме, где никто не плачет, не угрожает уйти, не объясняет, что его жизнь разрушена, не становится чужим прямо у тебя на глазах.

Лина попросила приехать.

У неё дома было шумно, тепло и пахло молоком. На диване лежал детский плед, на полу машинки, возле кресла стопка пелёнок. Старший ребёнок Лины пытался надеть пластиковое ведёрко на голову.

Дина смотрела на этот хаос и чувствовала зависть такой силы, что стало стыдно.

Лина заметила.

· Не романтизируй. Я сегодня чистила пюре с люстры.

· Как?

· Если бы я знала, как оно туда попало, мне было бы легче.

Дина взяла малыша на руки. Он оказался неожиданно тяжёлым и тёплым. Запах детской головы почти физически ударил в грудь.

Лина села рядом.

· Рассказывай.

Дина рассказала.

Не всё. Уже тогда она начала защищать Алекса от собственного рассказа.

Говорила «он испугался» вместо «он давит».

«Не готов» вместо «просит отказаться».

«Ему тяжело» вместо «я каждую ночь успокаиваю мужчину, пока беременна его ребёнком».

Лина слушала и хмурилась.

- Я могу с ним поговорить.
- Не надо.
- Почему?
- Потому что он скажет, что я подключила тебя для давления.
- Он так и скажет.
- Видишь.
- Но это не значит, что я не могу дать ему по голове.
- Чем?

Лина посмотрела вокруг.

· Выбор большой. Машинка. Поильник. Очень тяжёлый справочник по развитию ребёнка.

Дина улыбнулась.

- Спасибо.
- Всегда пожалуйста. Справочник особенно терапевтический.

Потом они сделали ошибку, которая в тот момент казалась попыткой вернуть контроль. Начали читать.

Как выглядит эмбрион. Что уже сформировано. Что ещё нет. Как врачи называют срок. Какие существуют варианты. Что означает медицинское прерывание. Какие риски. Какие сроки.

Лина быстро закрыла одну страницу.

- Нет.
- Что?
- Там картинки.
- Открой.
- Не надо.
- Лина.

Она открыла.

Дина смотрела на экран и чувствовала, как язык раскалывает реальность надвое.

Эмбрион.

Беременность.

Клетки.

Ребёнок.

Медицинское прерывание.

Аборт.

Ни одно слово не было ложью.

Но каждое меняло то, что становилось возможным сделать дальше.

- Мы ищем информацию или разрешение? - спросила Лина.

Дина посмотрела на неё.

- Разницу.

Вечером Алекс впервые заплакал.

Не тихо.

Не красиво.

Он ходил по спальне, то садился, то снова вставал, говорил слишком быстро. Дина никогда не видела его таким.

· Ты понимаешь, что я не смогу? Я просто не смогу сейчас. Я просыпаюсь и думаю только об этом. У меня сердце колотится. Я вообще работать не могу.

· Я тоже думаю только об этом.

· Но ты хочешь!

· Да.

· Тебе проще.

Дина смотрела на него, не понимая.

· Мне проще?

· У тебя хотя бы есть ответ.

Он сел на край кровати и закрыл лицо руками.

· Я плохой человек, да?

· Я этого не говорила.

· Но думаешь.

· Я думаю, что ты боишься.

· Я не просто боюсь. Я знаю себя. Я буду ужасным отцом.

· Почему?

· Потому что не хочу сейчас им быть!

Голос сорвался.

Дина вздрогнула.

Алекс увидел это и сразу стал тише.

· Прости.

Он подошёл к ней.

· Я просто... Дин, я тебя люблю. Очень. Но если ты сейчас оставишь ребёнка, я не знаю, смогу ли остаться.

Мир сузился.

Не громко.

Без спецэффектов.

Просто всё, что находилось вокруг, отступило, и осталась одна фраза.

· Ты уйдёшь?

· Я не знаю.

· Это значит да?

· Не заставляй меня сейчас отвечать.

· Ты только что ответил.

· Я сказал, что не знаю!

· Если я оставлю ребёнка, ты уйдёшь.

· Я не угрожаю.

· А что ты делаешь?

Алекс вскочил.

· Господи, опять! Ты всё переводишь так, будто я тебе пистолет к голове приставил! Я честно говорю, что чувствую. Что мне делать? Врать?

Дина молчала.

· Я не могу пообещать то, чего не чувствую, - продолжал он. - И ты ведь сама не хочешь, чтобы ребёнок рос с отцом, который его не хотел.

Вот тогда Дина впервые увидела ловушку целиком.

Если оставить ребёнка, она якобы сознательно выбирает ему плохого отца.

Если прервать беременность, решение остаётся её.

Алекс в обоих вариантах сохраняет право быть честным.

Она отвернулась.

Он подошёл сзади и обнял.

· Дин.

Она стояла неподвижно.

· Я испугался, - сказал он. - Я просто очень испугался.

Эти слова потом много лет будут работать как универсальное объяснение.

Он испугался.

Будто страх освобождал человека от ответственности за всё, что он делал внутри него.

Мать отреагировала иначе.

Дина поехала к ней через два дня.

Матери было сорок девять. Она встретила дочь с контейнерами еды, потому что считала, что любое жизненное событие легче переносится после супа.

· Ты похудела.

· На килограмм.

· У тебя лицо осунулось.

· Я беременна.

Мать замерла с половником.

Суп тонкой струйкой стекал обратно в кастрюлю.

· Что?

· Я беременна.

· Господи.

Не радость.

Не страх.

Что-то старое.

Дина увидела, как мать мгновенно перестала быть сорокадевятилетней женщиной и стала двадцатилетней девушкой, которой когда-то сказали то же самое.

· Алекс знает?

· Да.

· Что говорит?

· Не готов.

Мать закрыла глаза.

· Только не это.

Дина почувствовала надежду.

Может быть, именно мать поймёт.

Но следующая фраза уничтожила её.

· Не повторяй мою ошибку.

Дина положила ложку.

· Какую?

· Я тоже думала, что справимся. Что ребёнок всё изменит.

· Я не думаю, что ребёнок изменит Алекса.

· Все так думают.

· Мам, я хочу ребёнка.

· Я тоже хотела тебя.

Дина замолчала.

Мать села напротив.

· Мне было двадцать. Твой отец вообще жениться не собирался. Потом женился, потому что я беременна. И что хорошего?

· Я не прошу Алекса жениться. Мы живём вместе три года.

· Это ничего не гарантирует.

· Я знаю.

· Потом начнётся. Ты будешь дома, он на работе. Ты уставшая, он раздражённый. Деньги. Болезни. Бессонные ночи.

· У нас есть деньги.

· Дело не только в деньгах.

· Тогда в чём?

Мать посмотрела на неё с раздражением.

· В том, что ребёнок не удержит мужчину.

· Я не собираюсь удерживать мужчину ребёнком.

· Я тоже так говорила.

· Мам!

· Что? Я хочу тебя уберечь.

· От чего?

Мать ответила не сразу.

· От моей жизни.

И в этой фразе была любовь.

Дина слышала её.

Но рядом с любовью существовало другое.

Если материнская жизнь оказалась ошибкой, а началась эта ошибка с беременности, то где внутри этой истории находилась сама Дина?

Мать словно почувствовала вопрос.

· Не смотри на меня так. Я не говорю, что жалею о тебе.

· Ты говоришь, что если бы думала головой, твоя жизнь сложилась бы иначе.

· Конечно, сложилась бы. Это факт.

· Без меня.

· Дина, господи! Вот умеешь ты вытащить самое болезненное и ткнуть туда пальцем.

· Я просто закончила твою мысль.

· Ты мой ребёнок. Я тебя люблю больше жизни.

И почти сразу:

· Именно поэтому не хочу, чтобы ты повторила мою судьбу.

Дина уехала через час.

Контейнер с супом мать всё-таки сунула ей в машину.

Любовь могла одновременно обвинять тебя в собственном существовании и проверять, взяла ли ты еду на завтра.

Дина сидела за рулём и плакала.

Телефон завибрировал.

Алекс.

Она не ответила.

Через минуту пришло сообщение:

«Я люблю тебя. Давай примем взрослое решение».

Взрослое.

Разумное.

Совместное.

Все слова указывали в одну сторону.

Через неделю Дина записалась в клинику.

Алекс сказал:

· Ты уверена?

Она посмотрела на него.

Впервые за всё это время он произнёс правильный вопрос.

Слишком поздно.

· Нет.

Он побледнел.

· Тогда не делай.

Дина почувствовала почти ярость.

· И что дальше?

· Не знаю.

· Ты останешься?

Алекс молчал.

· Вот именно.

· Дин, я не хочу, чтобы ты потом говорила, что сделала это из-за меня.

Она рассмеялась.

Смех вышел неприятным.

· Отлично.

· Что?

· Даже сейчас тебе важно не что со мной будет, а что я потом про тебя скажу.

· Это несправедливо.

· Возможно.

· Я правда не хочу тебя заставлять.

· Тогда скажи, что останешься.

Он не сказал.

В клинику с Диной поехала Лина.

Утро было серым, мокрым, обычным. Люди шли на работу. Кто-то ругался возле парковки. Курьер тащил огромную коробку. Женщина в красной шапке говорила по телефону и смеялась.

Дину раздражало, что мир не остановился.

Ей хотелось хотя бы небольшого официального объявления.

«Сегодня у Дины исчезнет будущее, которое она успела полюбить. Просьба вести себя соответственно».

Вместо этого в регистратуре попросили паспорт.

Потом документы.

Потом подождать.

На стене висела репродукция какого-то морского пейзажа. Очень синего. Вероятно, кто-то решил, что море успокаивает женщин вне зависимости от причины посещения.

Лина сидела рядом.

· Я могу написать Алексу, - сказала она.

· Зачем?

· Не знаю.

· Тогда не пиши.

Лина кивнула.

Через несколько минут спросила:

· Ты хочешь уйти?

Дина посмотрела на дверь.

Да.

Всем телом.

Она хотела встать, выйти, выключить телефон, уехать туда, где никто не знает ни Алекса, ни её мать, ни слово «готов».

Но вместе с этим желанием существовал страх.

Вернуться домой.

Увидеть его лицо.

Ждать, уйдёт ли он.

Рожать ребёнка, зная, что его отец хотел другого исхода.

Навсегда стать для Алекса женщиной, которая заставила его быть отцом.

Навсегда стать для матери повторением её жизни.

Дина закрыла глаза.

· Нет.

Лина взяла её за руку.

· Это не звучало как «нет».

· Я знаю.

Когда Дину позвали, она поднялась.

Все документы подписала сама.

На вопросы врача отвечала сама.

Первую таблетку взяла сама.

Несколько секунд держала её в ладони.

Маленькая.

Белая.

Ничем не отличалась от сотен таблеток, которые люди ежедневно принимали от головы, аллергии, давления, бессонницы.

Лина стояла рядом.

Дина посмотрела на неё.

· Если я сейчас не выпью?

· Тогда не выпьешь.

· Алекс уйдёт.

· Возможно.

· Мама скажет, что я сумасшедшая.

· Скорее всего.

Дина улыбнулась сквозь слёзы.

· Удивительно поддерживающий ты человек.

· Стараюсь не врать.

Дина посмотрела на таблетку ещё раз.

Потом проглотила.

Сама.

Позже именно это слово станет главным.

Сама записалась.

Сама подписала.

Сама взяла.

Сама проглотила.

Юридически, медицински и физически между пальцами Алекса и таблеткой не существовало никакой связи.

Только несколько недель разговоров, слёз, угрозы ухода, чужого страха, материнской судьбы и невозможности найти вариант, в котором Дина не теряла кого-то.

Через два дня всё закончилось.

Физическая боль пришла волнами. Дина лежала, свернувшись, потом ходила в ванную, потом снова ложилась. Лина была рядом почти всё время. Алекс писал.

«Как ты?»

«Ответь, пожалуйста».

«Я приеду, если хочешь».

Дина не хотела.

В какой-то момент она сидела на полу ванной и смотрела на собственную кровь.

Именно тогда впервые пришла мысль, которую она будет запрещать себе семь лет.

Я не хотела этого.

Не «я сомневалась».

Не «так было разумнее».

Не «мы решили».

Я не хотела.

Мысль оказалась настолько страшной, что Дина немедленно закрыла её.

На следующий день она вышла на работу.

Дина пыталась отговорить.

· Возьми хотя бы пару дней.

· Мне лучше работать.

· Дин.

· Правда.

Работа была местом, где причины имели следствия, сроки можно было перенести, ошибки исправить, а ответственность распределить по фамилиям.

На совещании Дина была безупречна.

Она увидела ошибку в расчётах, задала три неприятных вопроса, сократила встречу на двадцать минут и даже пошутила, когда один из коллег в третий раз предложил «вернуться к этому стратегически».

· Мы уже два раза возвращались стратегически. Давайте третий раз попробуем результативно.

Все засмеялись.

После встречи руководитель задержал её у двери.

· Ты машина.

Дина улыбнулась.

· Спасибо.

В туалете её вырвало.

Она умылась, поправила волосы и вернулась к работе.

Алекс пришёл вечером.

С цветами.

Дина долго смотрела на букет, прежде чем открыть дверь полностью.

· Можно?

Она пропустила.

Он поставил цветы на кухне, потом обнял её. Сначала осторожно, потом крепче.

Дина не ответила, но и не отстранилась.

Алекс плакал.

Она впервые видела, как он плачет по-настоящему. Не влажные глаза, не красивую мужскую сдержанность, а лицо, потерявшее форму.

· Прости меня.

Дина закрыла глаза.

· Я испугался.

Она молчала.

· Я не знал, что так будет.

Что именно, он не уточнил.

Больно.

Пусто.

Тихо.

Что Дина перестанет отвечать.

Что квартира без неё окажется не домом.

Что после принятого решения облегчение почему-то не придёт.

Алекс опустился перед ней на колени и прижал лицо к её животу.

К тому месту, которого последние недели боялся.

Теперь там было пусто.

Дина смотрела на его волосы.

· Я хочу детей, - сказал он.

Она почти перестала дышать.

· Что?

· Хочу. Просто испугался. Я идиот. Я всё испортил.

Внутри поднялась надежда, такая сильная, что стало больнее, чем прежде.

· Когда?

Алекс поднял голову.

· Что когда?

· Когда ты хочешь детей?

Он замер.

Всего на секунду.

Но Дина заметила.

· Не завтра, конечно. Нам надо прийти в себя. Наладить всё.

· Сколько?

· Дин, давай не будем сейчас превращать это в срок.

· Год?

· Возможно.

· Два?

· Я не знаю.

Он встал, взял её лицо в ладони.

· Но я хочу семью с тобой. Понимаешь? С тобой.

И Дина очень хотела понять именно это.

Потому что другая версия требовала признать невыносимое: она только что отказалась от ребёнка ради мужчины, который может никогда не захотеть следующего.

Поэтому она выбрала версию Алекса.

Он испугался.

Они поторопились.

Сейчас было неподходящее время.

Позже будет иначе.

Ночью Алекс спал рядом, прижавшись к ней всем телом, словно боялся, что она исчезнет.

Дина не спала.

На тумбочке лежала новая упаковка контрацептива.

Врач сказала начинать по схеме после восстановления. Дина долго смотрела на маленькие кружки под фольгой.

Потом взяла телефон и поставила ежедневное напоминание.

21:00.

«Таблетка».

Система послушно спросила:

«Повторять каждый день?»

Дина нажала «Да».

Всего на время.

Пока они не придут в себя.

Пока Алекс не будет готов.

Пока не наступит правильный момент.

Рядом спал любимый мужчина.

В телефоне появился первый день семилетнего напоминания.

Глава 2. Третья неделя.

Семь лет назад Дина узнала, что беременна, в туалете между двумя совещаниями.

Место для события такого масштаба было выбрано жизнью без всякого уважения к драматургии: белый кафель, автоматический освежитель воздуха с химическим запахом яблока, урчащая вентиляция и надпись на двери кабинки «Просьба не бросать бумагу в унитаз».

Дина сидела на закрытой крышке и смотрела на две полоски.

Первую она ожидала. Вторая появилась почти сразу, уверенная, яркая, без всяких сомнений в себе.

· Нахалка, - прошептала Дина.

Полоска не отреагировала.

Задержка была небольшой. Дина объясняла её перелётом, нервами, новым проектом, сменой часового пояса и тем, что человеческий организм вообще плохо приспособлен к квартирной отчётности. Тест купила по дороге в офис скорее для порядка. У неё была привычка закрывать гипотезы фактами.

Факт теперь лежал на ладони.

Она достала телефон, открыла календарь, пересчитала дни. Потом пересчитала ещё раз, будто при повторном вычислении организм мог признать арифметическую ошибку.

Не признал.

Дина вышла из кабинки, умыла лицо и посмотрела на себя в зеркало. Та же белая блузка. Те же серьги. Волосы собраны в гладкий хвост. Через двадцать минут встреча с людьми, которые ждали от неё решения по бюджету на следующий год.

Только внутри уже существовало что-то ещё.

Пока почти невидимое. Настолько маленькое, что разум отказывался связывать его с младенцем, коляской, маленькой ладонью и чужим голосом, который когда-нибудь скажет ей «мама». Но тело связало раньше.

Дина положила ладонь на низ живота.

Ничего.

Конечно, ничего.

И всё равно улыбнулась.

Улыбка была такой широкой, что вошедшая коллега остановилась возле раковины.

· Всё хорошо?

· Да.

· Точно?

Дина посмотрела на своё отражение.

· Кажется, очень.

Коллега осторожно кивнула и выбрала дальнюю кабинку. Руководители, счастливо разговаривающие сами с собой в туалете, вероятно, входили в корпоративные риски.

До совещания оставалось восемнадцать минут.

Дина спустилась в аптеку на первом этаже бизнес-центра и купила ещё три теста.

Фармацевт подняла глаза:

· Разные?

· Обязательно.

· Зачем?

· Репликация эксперимента.

Женщина посмотрела на неё, потом на тесты.

· Удачи.

· Вот теперь вопрос, в каком именно направлении.

Второй тест Дина сделала там же. Третьего решила дожидаться дома. После двух положительных результатов статистическая добросовестность начинала переходить в невроз.

Совещание прошло идеально.

Дина говорила про сроки, риски, ресурсы и точки принятия решений. Кто-то спорил, кто-то пытался проташить дополнительный бюджет, кто-то двадцать минут объяснял проблему, которая решалась одним письмом. Дина слушала, задавала вопросы, делала пометки и чувствовала странное раздвоение.

Одна её часть оставалась здесь, за длинным столом.

Вторая стояла босиком где-то посреди огромного неизвестного пространства и держала ладони раскрытыми.

К концу совещания Дина уже знала: она хочет этого ребёнка.

Мысль пришла без аргументов.

Она могла перечислить сотню причин, почему сейчас неудобно. Карьера входила в новый виток. Алекс недавно говорил о возможной смене работы. Они много путешествовали. Квартира была большая, но детская в ней не предусматривалась. Даже гости размещались в комнате, которую Алекс торжественно называл кабинетом и использовал в основном для хранения спортивной формы.

Можно было составить список рисков.

Но под списком всё равно стояло бы одно слово.

Да.

Дина вышла с работы раньше.

В машине по дороге домой она представляла, как скажет Алексу. Сначала решила купить маленькие носочки, потом возмутилась собственной банальности. Следующим вариантом стала коробка с тестом. Потом записка. Потом ужин. Потом просто слова.

Дома она обнаружила, что Алекс уже пришёл.

Он сидел на кухне в футболке и домашних брюках, что-то читал с ноутбука и ел виноград прямо из большой миски.

· Ты рано, - сказал он.

· Ты тоже.

· У меня встречу перенесли. Будешь?

Он протянул ей виноградину.

Дина взяла, но не съела.

· Что случилось?

· Почему обязательно случилось?

· Потому что ты стоишь в пальто посреди кухни и смотришь на меня так, будто собираешься либо сообщить о наследстве, либо признаться в убийстве.

· Выбери.

· Наследство.

Дина улыбнулась.

· Почти.

Она достала из сумки тест и положила перед ним.

Алекс посмотрел.

Потом на неё.

Снова на тест.

· Это что?

· Тест на интеллект. Ты проигрываешь.

Он продолжал смотреть.

· Ты беременна?

И именно в эту секунду Дина увидела на его лице радость.

Совсем короткую.
Настоящую.

Она вспыхнула раньше страха. Алекс поднялся, шагнул к ней и обнял так резко, что Дина рассмеялась.

- Подожди, куртку сниму.
- Господи.

Он отстранился, снова посмотрел ей в лицо.

- Ты точно?
- Два теста.
- Два?
- Третий в сумке.

Алекс засмеялся.

- Конечно. Один тест не прошёл внутренний аудит.
- Выборка недостаточная.

Он поцеловал её. Потом вдруг опустил взгляд на живот.

Его ладонь легла поверх Дининой.

Дина замерла.

Вот оно.

Мгновение оказалось настолько полным, что ей захотелось запомнить всё сразу: виноград на столе, открытый ноутбук, его тёплую ладонь, свою куртку, до сих пор застёгнутую под горло, полосу света на паркете.

Она впервые подумала: нас трое.

А потом Алекс спросил:

- А какой срок?
- Очень маленький.
- Насколько?
- Несколько недель.

Его ладонь осталась на месте, но стала другой.

Дина почувствовала это раньше, чем увидела лицо.

- Совсем маленький?
- Да.
- То есть мы ещё...

Он замолчал.

- Что?
- Нет, ничего.

Но радость уже закрывалась.

Не исчезла мгновенно. Скорее отступила куда-то внутрь, уступая место расчёту.

Алекс прошёл к столу и сел.

- Мы же предохранялись.
- Очевидно, не абсолютно.
- Ты ничего не пропускала?

Дина медленно растянула пальто.

- Нет.
- Точно?
- Алекс.
- Я просто спрашиваю.
- Точно.

Он провёл руками по лицу.

- Ничего себе.

Дина повесила пальто и вернулась.

- Да.
- Ты как?
- Счастлива.

Она сказала это специально.

Ей хотелось поставить слово между ними, прежде чем он успеет заполнить пространство чем-то другим.

Алекс поднял взгляд.

- Счастлива?
- Да.

Он кивнул.

- Хорошо.

Но произнёс это так, словно она сообщила симптом.

Дина села напротив.

- А ты?
- Я не знаю пока.
- Минуту назад знал.
- Минуту назад я охренел.
- Положительно.
- Дин, не дави.

Она откинулась на спинку стула.

- Я спросила, что ты чувствуешь.
- Вот именно. Я пока не понимаю, что чувствую.

Вечер всё ещё можно было спасти. Дина видела это почти физически. Можно было встать, открыть вино, потом вспомнить, что ей теперь нельзя, посмеяться, заказать еду, лечь рядом, проснуться утром и поговорить.

Но Алекс уже открыл ноутбук.

- Ты что делаешь?
- Ничего.
- Ты читаешь что-то.
- Просто смотрю.
- Что?

Он развернул экран.

«Беременность первые недели».

Дина неожиданно рассмеялась.

- Очень романтично.
- Я хочу понимать.
- Я тоже.
- Здесь пишут, что сейчас вообще ещё...

Он остановился.

- Что?
 - Ничего.
 - Договаривай.
 - Что срок настолько маленький, что рано вообще о чём-то говорить.
- Дина почувствовала первое слабое сжатие под рёбрами.

- Я уже сказала.
- Что?
- Я беременна.
- Я не спорю.

· Тогда о чём рано говорить?

Алекс закрыл ноутбук.

· О ребёнке.

В комнате стало тихо.

За окном медленно темнело. На соседнем доме зажглись окна. Кто-то сверху передвигал мебель или решил именно сегодня начать новую жизнь с перестановки шкафа.

· А о чём говорить? - спросила Дина.

· О ситуации.

· Ситуация находится у меня внутри.

· Дина, пожалуйста.

· Что?

· Не делай сейчас так, чтобы я сразу оказался плохим.

Она посмотрела на него.

· Я ничего не делаю.

· Ты уже говоришь «ребёнок», «нас трое»...

· Я не говорила «нас трое» вслух.

· Но ты так смотришь.

Дина чуть не улыбнулась.

· Теперь даже взгляд считается давлением?

· Ты понимаешь, о чём я.

Она понимала.

И именно поэтому впервые испугалась.

Не беременности.

Его страха.

В следующие два дня Алекс почти не спал.

Он не требовал решения. Он хотел поговорить.

Постоянно.

За завтраком. В машине. В кровати. По телефону между встречами. В десять вечера. В половине второго ночи, когда Дина уже закрывала глаза.

Сначала разговоры были разумными.

· Мы это не планировали.

· Да.

· У меня сейчас вообще непонятно что с работой.

· Разберёмся.

· Ты сама только вышла на новый уровень.

· И?

· Ребёнок всё изменит.

· Конечно.

· Тебя это совсем не пугает?

· Пугает.

· А выглядит так, будто ты уже всё решила.

· Я решила, что хочу его.

Каждый раз Алекс замолкал после слова «его».

Словно именно местоимение делало всё неприлично настоящим.

На третий день Дина составила таблицу.

Это было сильнее неё.

Она открыла ноутбук, расписала доходы, накопления, возможные расходы, няню, медицину, временное снижение собственной нагрузки, даже приблизительную стоимость детской

мебели. Потом добавила колонку «непредвиденные расходы», потому что жизнь особенно любила статьи бюджета с таким названием.

Вечером положила ноутбук перед Алексом.

· Я посчитала.

Он посмотрел на неё настороженно.

· Что?

· Насколько ребёнок уничтожит нашу жизнь.

· Дина.

· Пока получается процентов на двадцать три. Если заложить няню с первого года. Но я ещё не учла подгузники, возможно, катастрофа недооценена.

Обычно Алекс любил её такой юмор.

Сейчас даже не улыбнулся.

· Ты правда думаешь, что дело в деньгах?

· Я пытаюсь понять, в чём.

· Во всём.

· Очень удобная единица измерения.

· У меня ощущение, что ты вообще меня не слышишь.

· Я слышу, что ты боишься. Я не понимаю, чего именно.

Алекс резко встал.

· Потому что ты уже там! У тебя уже ребёнок, няня, комната, расчёты! А я узнал три дня назад.

· Я тоже узнала три дня назад.

· Для тебя всё иначе.

· Потому что я беременна?

· Да!

Он выкрикнул это и сразу замолчал.

Дина смотрела на него.

· Алекс, именно поэтому времени у меня меньше, чем у тебя.

· Вот. Опять.

· Что опять?

· Давление.

· Где?

· Во всём, что ты говоришь. «Времени меньше». «Я беременна». «Я хочу ребёнка». Какой у меня вообще остаётся выбор?

Дина медленно закрыла ноутбук.

· Твой.

· Очень смешно.

· Я не шучу.

· Если я скажу, что не готов, я мудака. Если скажу, что готов, хотя не готов, я должен полностью изменить жизнь.

· А я должна полностью изменить тело в любом варианте.

Он отвернулся.

· Это нечестно.

· Что именно?

· Вот это. Ты всё время используешь беременность как последний аргумент.

· Алекс, беременность и есть последний аргумент. Она уже случилась.

В тот вечер он ушёл гулять один и вернулся после полуночи.

Дина лежала в постели, читая одну и ту же страницу.

Алекс лёг рядом, не раздеваясь до конца, повернулся к ней.

- Я люблю тебя.
 - Я тоже.
 - Я просто не готов.
- Она закрыла книгу.
- Когда будешь?
 - Не знаю.
 - Через год?
 - Может быть.
 - Через три?
 - Дин.
 - Мне нужно понимать.
 - Почему сейчас обязательно определять всю жизнь?

Она посмотрела на него и вдруг почувствовала страшную нежность. Алекс лежал рядом растерянный, красивый, знакомый до мельчайших движений. Она знала, как он морщит лоб, когда считает в уме, как оставляет ложку в чашке, хотя звук металла о керамику раздражает его самого, как во сне ищет ногой её ступню.

- Ей захотелось его успокоить.
- И это было первое движение в сторону от себя.
- Хорошо, - сказала она. - Не будем сегодня.

Алекс прижался лбом к её плечу.

- Спасибо.

Через полчаса он спал.

Дина лежала с открытыми глазами.

Внутри неё кто-то продолжал существовать без паузы в разговоре.

На следующий день она позвонила Лине.

Лина ответила шёпотом.

- Я кормлю. Если буду говорить громко, он решит, что пора бодрствовать, а я не готова к такому развитию событий.

Младшему ребёнку Лины было совсем мало, старшему почти два, и последние месяцы её жизнь измерялась не днями, а промежутками между кормлениями и детским сном.

- Я беременна, - сказала Дина.

На другом конце стало тихо.

Потом Лина очень тихо произнесла:

- Охренеть.

Дина засмеялась.

- Наконец нормальная реакция.

- Ты рада?

- Да.

- Тогда поздравляю.

Слова попали точно туда, куда было нужно.

Дина закрыла глаза.

- Спасибо.

- Алекс?

- Не рад.

- Совсем?

- Сначала был.

Лина вздохнула.

- Он всегда сначала реагирует, потом начинает думать и всё портит.

- Ты его хорошо знаешь.

· С восьмого класса. Я видела, как он однажды три дня выбирал, расставаться ли с девушкой, которая уже сама его бросила.

Дина улыбнулась.

· Он говорит, что не готов.

· Верю.

· В смысле?

· В смысле верю, что он правда не готов. Не что тебе надо что-то делать.

Дина молчала.

Лина сразу услышала.

· Дин, я не на его стороне.

· Ты произнесла эту фразу слишком быстро.

· Я на стороне того, чтобы ты не принимала решение из его паники.

· А если он так и не успокоится?

Лина снова замолчала.

В трубке послышалось младенческое сопение.

· Тогда решать тебе.

· Одной?

· Беременна физически ты.

· Очень удобная конструкция.

· Я не сказала, что ответственность только твоя.

· Но решение моё.

· В конечном счёте да.

Дина почувствовала холод.

Именно эта формулировка потом будет преследовать её годами.

Решение твоё.

Как будто условия выбора не имеют значения.

Как будто человек принимает решение в вакууме, где никто не плачет, не угрожает уйти, не объясняет, что его жизнь разрушена, не становится чужим прямо у тебя на глазах.

Лина попросила приехать.

У неё дома было шумно, тепло и пахло молоком. На диване лежал детский плед, на полу машинки, возле кресла стопка пелёнок. Старший ребёнок Лины пытался надеть пластиковое ведёрко на голову.

Дина смотрела на этот хаос и чувствовала зависть такой силы, что стало стыдно.

Лина заметила.

· Не романтизируй. Я сегодня чистила пюре с люстры.

· Как?

· Если бы я знала, как оно туда попало, мне было бы легче.

Дина взяла малыша на руки. Он оказался неожиданно тяжёлым и тёплым. Запах детской головы почти физически ударил в грудь.

Лина села рядом.

· Рассказывай.

Дина рассказала.

Не всё. Уже тогда она начала защищать Алекса от собственного рассказа.

Говорила «он испугался» вместо «он давит».

«Не готов» вместо «просит отказаться».

«Ему тяжело» вместо «я каждую ночь успокаиваю мужчину, пока беременна его ребёнком».

Лина слушала и хмурилась.

· Я могу с ним поговорить.

- Не надо.
- Почему?
- Потому что он скажет, что я подключила тебя для давления.
- Он так и скажет.
- Видишь.
- Но это не значит, что я не могу дать ему по голове.
- Чем?

Лина посмотрела вокруг.

· Выбор большой. Машинка. Поильник. Очень тяжёлый справочник по развитию ребёнка.

Дина улыбнулась.

- Спасибо.
- Всегда пожалуйста. Справочник особенно терапевтический.

Потом они сделали ошибку, которая в тот момент казалась попыткой вернуть контроль. Начали читать.

Как выглядит эмбрион. Что уже сформировано. Что ещё нет. Как врачи называют срок. Какие существуют варианты. Что означает медицинское прерывание. Какие риски. Какие сроки.

Лина быстро закрыла одну страницу.

- Нет.
- Что?
- Там картинки.
- Открой.
- Не надо.
- Лина.

Она открыла.

Дина смотрела на экран и чувствовала, как язык раскалывает реальность надвое.

Эмбрион.

Беременность.

Клетки.

Ребёнок.

Медицинское прерывание.

Аборт.

Ни одно слово не было ложью.

Но каждое меняло то, что становилось возможным сделать дальше.

- Мы ищем информацию или разрешение? - спросила Лина.

Дина посмотрела на неё.

- Разницу.

Вечером Алекс впервые заплакал.

Не тихо.

Не красиво.

Он ходил по спальне, то садился, то снова вставал, говорил слишком быстро. Дина никогда не видела его таким.

· Ты понимаешь, что я не смогу? Я просто не смогу сейчас. Я просыпаюсь и думаю только об этом. У меня сердце колотится. Я вообще работать не могу.

- Я тоже думаю только об этом.
- Но ты хочешь!
- Да.
- Тебе проще.

Дина смотрела на него, не понимая.

· Мне проще?

· У тебя хотя бы есть ответ.

Он сел на край кровати и закрыл лицо руками.

· Я плохой человек, да?

· Я этого не говорила.

· Но думаешь.

· Я думаю, что ты боишься.

· Я не просто боюсь. Я знаю себя. Я буду ужасным отцом.

· Почему?

· Потому что не хочу сейчас им быть!

Голос сорвался.

Дина вздрогнула.

Алекс увидел это и сразу стал тише.

· Прости.

Он подошёл к ней.

· Я просто... Дин, я тебя люблю. Очень. Но если ты сейчас оставишь ребёнка, я не знаю, смогу ли остаться.

Мир сузился.

Не громко.

Без спецэффектов.

Просто всё, что находилось вокруг, отступило, и осталась одна фраза.

· Ты уйдёшь?

· Я не знаю.

· Это значит да?

· Не заставляй меня сейчас отвечать.

· Ты только что ответил.

· Я сказал, что не знаю!

· Если я оставлю ребёнка, ты уйдёшь.

· Я не угрожаю.

· А что ты делаешь?

Алекс вскочил.

· Господи, опять! Ты всё переводишь так, будто я тебе пистолет к голове приставил! Я честно говорю, что чувствую. Что мне делать? Врать?

Дина молчала.

· Я не могу пообещать то, чего не чувствую, - продолжал он. - И ты ведь сама не хочешь, чтобы ребёнок рос с отцом, который его не хотел.

Вот тогда Дина впервые увидела ловушку целиком.

Если оставить ребёнка, она якобы сознательно выбирает ему плохого отца.

Если прервать беременность, решение остаётся её.

Алекс в обоих вариантах сохраняет право быть честным.

Она отвернулась.

Он подошёл сзади и обнял.

· Дин.

Она стояла неподвижно.

· Я испугался, - сказал он. - Я просто очень испугался.

Эти слова потом много лет будут работать как универсальное объяснение.

Он испугался.

Будто страх освобождал человека от ответственности за всё, что он делал внутри него.

Мать отреагировала иначе.

Дина поехала к ней через два дня.

Матери было сорок девять. Она встретила дочь с контейнерами еды, потому что считала, что любое жизненное событие легче переносится после супа.

- Ты похудела.
- На килограмм.
- У тебя лицо осунулось.
- Я беременна.

Мать замерла с половником.

Суп тонкой струйкой стекал обратно в кастрюлю.

- Что?
- Я беременна.
- Господи.

Не радость.

Не страх.

Что-то старое.

Дина увидела, как мать мгновенно перестала быть сорокадевятилетней женщиной и стала двадцатилетней девушкой, которой когда-то сказали то же самое.

- Алекс знает?
- Да.
- Что говорит?
- Не готов.

Мать закрыла глаза.

- Только не это.

Дина почувствовала надежду.

Может быть, именно мать поймёт.

Но следующая фраза уничтожила её.

- Не повторяй мою ошибку.

Дина положила ложку.

- Какую?
- Я тоже думала, что справимся. Что ребёнок всё изменит.
- Я не думаю, что ребёнок изменит Алекса.
- Все так думают.
- Мам, я хочу ребёнка.
- Я тоже хотела тебя.

Дина замолчала.

Мать села напротив.

· Мне было двадцать. Твой отец вообще жениться не собирался. Потом женился, потому что я беременна. И что хорошего?

- Я не прошу Алекса жениться. Мы живём вместе три года.
- Это ничего не гарантирует.
- Я знаю.

· Потом начнётся. Ты будешь дома, он на работе. Ты уставшая, он раздражённый. Деньги. Болезни. Бессонные ночи.

- У нас есть деньги.
- Дело не только в деньгах.
- Тогда в чём?

Мать посмотрела на неё с раздражением.

- В том, что ребёнок не удержит мужчину.

- Я не собираюсь удерживать мужчину ребёнком.
- Я тоже так говорила.
- Мам!
- Что? Я хочу тебя уберечь.
- От чего?

Мать ответила не сразу.

- От моей жизни.

И в этой фразе была любовь.

Дина слышала её.

Но рядом с любовью существовало другое.

Если материнская жизнь оказалась ошибкой, а началась эта ошибка с беременности, то где внутри этой истории находилась сама Дина?

Мать словно почувствовала вопрос.

- Не смотри на меня так. Я не говорю, что жалею о тебе.
- Ты говоришь, что если бы думала головой, твоя жизнь сложилась бы иначе.
- Конечно, сложилась бы. Это факт.
- Без меня.
- Дина, господи! Вот умеешь ты вытащить самое болезненное и ткнуть туда пальцем.
- Я просто закончила твою мысль.
- Ты мой ребёнок. Я тебя люблю больше жизни.

И почти сразу:

- Именно поэтому не хочу, чтобы ты повторила мою судьбу.

Дина уехала через час.

Контейнер с супом мать всё-таки сунула ей в машину.

Любовь могла одновременно обвинять тебя в собственном существовании и проверять, взяла ли ты еду на завтра.

Дина сидела за рулём и плакала.

Телефон завибрировал.

Алекс.

Она не ответила.

Через минуту пришло сообщение:

«Я люблю тебя. Давай примем взрослое решение».

Взрослое.

Разумное.

Совместное.

Все слова указывали в одну сторону.

Через неделю Дина записалась в клинику.

Алекс сказал:

- Ты уверена?

Она посмотрела на него.

Впервые за всё это время он произнёс правильный вопрос.

Слишком поздно.

- Нет.

Он побледнел.

- Тогда не делай.

Дина почувствовала почти ярость.

- И что дальше?
- Не знаю.
- Ты останешься?

Алекс молчал.

· Вот именно.

· Дин, я не хочу, чтобы ты потом говорила, что сделала это из-за меня.

Она рассмеялась.

Смех вышел неприятным.

· Отлично.

· Что?

· Даже сейчас тебе важно не что со мной будет, а что я потом про тебя скажу.

· Это несправедливо.

· Возможно.

· Я правда не хочу тебя заставлять.

· Тогда скажи, что останешься.

Он не сказал.

В клинику с Диной поехала Лина.

Утро было серым, мокрым, обычным. Люди шли на работу. Кто-то ругался возле парковки. Курьер тащил огромную коробку. Женщина в красной шапке говорила по телефону и смеялась.

Дину раздражало, что мир не остановился.

Ей хотелось хотя бы небольшого официального объявления.

«Сегодня у Дины исчезнет будущее, которое она успела полюбить. Просьба вести себя соответственно».

Вместо этого в регистратуре попросили паспорт.

Потом документы.

Потом подождать.

На стене висела репродукция какого-то морского пейзажа. Очень синего. Вероятно, кто-то решил, что море успокаивает женщин вне зависимости от причины посещения.

Лина сидела рядом.

· Я могу написать Алексу, - сказала она.

· Зачем?

· Не знаю.

· Тогда не пиши.

Лина кивнула.

Через несколько минут спросила:

· Ты хочешь уйти?

Дина посмотрела на дверь.

Да.

Всем телом.

Она хотела встать, выйти, выключить телефон, уехать туда, где никто не знает ни Алекса, ни её мать, ни слово «готов».

Но вместе с этим желанием существовал страх.

Вернуться домой.

Увидеть его лицо.

Ждать, уйдёт ли он.

Рожать ребёнка, зная, что его отец хотел другого исхода.

Навсегда стать для Алекса женщиной, которая заставила его быть отцом.

Навсегда стать для матери повторением её жизни.

Дина закрыла глаза.

· Нет.

Лина взяла её за руку.

· Это не звучало как «нет».

· Я знаю.

Когда Дину позвали, она поднялась.

Все документы подписала сама.

На вопросы врача отвечала сама.

Первую таблетку взяла сама.

Несколько секунд держала её в ладони.

Маленькая.

Белая.

Ничем не отличалась от сотен таблеток, которые люди ежедневно принимали от головы, аллергии, давления, бессонницы.

Лина стояла рядом.

Дина посмотрела на неё.

· Если я сейчас не выпью?

· Тогда не выпьешь.

· Алекс уйдёт.

· Возможно.

· Мама скажет, что я сумасшедшая.

· Скорее всего.

Дина улыбнулась сквозь слёзы.

· Удивительно поддерживающий ты человек.

· Стараюсь не врать.

Дина посмотрела на таблетку ещё раз.

Потом проглотила.

Сама.

Позже именно это слово станет главным.

Сама записалась.

Сама подписала.

Сама взяла.

Сама проглотила.

Юридически, медицински и физически между пальцами Алекса и таблеткой не существовало никакой связи.

Только несколько недель разговоров, слёз, угрозы ухода, чужого страха, материнской судьбы и невозможности найти вариант, в котором Дина не теряла кого-то.

Через два дня всё закончилось.

Физическая боль пришла волнами. Дина лежала, свернувшись, потом ходила в ванную, потом снова ложилась. Лина была рядом почти всё время. Алекс писал.

«Как ты?»

«Ответь, пожалуйста».

«Я приеду, если хочешь».

Дина не хотела.

В какой-то момент она сидела на полу ванной и смотрела на собственную кровь.

Именно тогда впервые пришла мысль, которую она будет запрещать себе семь лет.

Я не хотела этого.

Не «я сомневалась».

Не «так было разумнее».

Не «мы решили».

Я не хотела.

Мысль оказалась настолько страшной, что Дина немедленно закрыла её.

На следующий день она вышла на работу.

Лина пыталась отговорить.

· Возьми хотя бы пару дней.

· Мне лучше работать.

· Дин.

· Правда.

Работа была местом, где причины имели следствия, сроки можно было перенести, ошибки исправить, а ответственность распределить по фамилиям.

На совещании Дина была безупречна.

Она увидела ошибку в расчётах, задала три неприятных вопроса, сократила встречу на двадцать минут и даже пошутила, когда один из коллег в третий раз предложил «вернуться к этому стратегически».

· Мы уже два раза возвращались стратегически. Давайте третий раз попробуем результативно.

Все засмеялись.

После встречи руководитель задержал её у двери.

· Ты машина.

Дина улыбнулась.

· Спасибо.

В туалете её вырвало.

Она умылась, поправила волосы и вернулась к работе.

Алекс пришёл вечером.

С цветами.

Дина долго смотрела на букет, прежде чем открыть дверь полностью.

· Можно?

Она пропустила.

Он поставил цветы на кухне, потом обнял её. Сначала осторожно, потом крепче.

Дина не ответила, но и не отстранилась.

Алекс плакал.

Она впервые видела, как он плачет по-настоящему. Не влажные глаза, не красивую мужскую сдержанность, а лицо, потерявшее форму.

· Прости меня.

Дина закрыла глаза.

· Я испугался.

Она молчала.

· Я не знал, что так будет.

Что именно, он не уточнил.

Больно.

Пусто.

Тихо.

Что Дина перестанет отвечать.

Что квартира без неё окажется не домом.

Что после принятого решения облегчение почему-то не придёт.

Алекс опустился перед ней на колени и прижал лицо к её животу.

К тому месту, которого последние недели боялся.

Теперь там было пусто.

Дина смотрела на его волосы.

· Я хочу детей, - сказал он.

Она почти перестала дышать.

· Что?

· Хочу. Просто испугался. Я идиот. Я всё испортил.

Внутри поднялась надежда, такая сильная, что стало больше, чем прежде.

· Когда?

Алекс поднял голову.

· Что когда?

· Когда ты хочешь детей?

Он замер.

Всего на секунду.

Но Дина заметила.

· Не завтра, конечно. Нам надо прийти в себя. Наладить всё.

· Сколько?

· Дин, давай не будем сейчас превращать это в срок.

· Год?

· Возможно.

· Два?

· Я не знаю.

Он встал, взял её лицо в ладони.

· Но я хочу семью с тобой. Понимаешь? С тобой.

И Дина очень хотела понять именно это.

Потому что другая версия требовала признать невыносимое: она только что отказалась от ребёнка ради мужчины, который может никогда не захотеть следующего.

Поэтому она выбрала версию Алекса.

Он испугался.

Они поторопились.

Сейчас было неподходящее время.

Позже будет иначе.

Ночью Алекс спал рядом, прижавшись к ней всем телом, словно боялся, что она исчезнет.

Дина не спала.

На тумбочке лежала новая упаковка контрацептива.

Врач сказала начинать по схеме после восстановления. Дина долго смотрела на маленькие кружки под фольгой.

Потом взяла телефон и поставила ежедневное напоминание.

21:00.

«Таблетка».

Система послушно спросила:

«Повторять каждый день?»

Дина нажала «Да».

Всего на время.

Пока они не придут в себя.

Пока Алекс не будет готов.

Пока не наступит правильный момент.

Рядом спал любимый мужчина.

В телефоне появился первый день семилетнего напоминания.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.